

Искры в пустоте

Никита Орлов

Никита Орлов

Искры в пустоте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70661818

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ о том, что для любого изменения нужна капля вдохновения. О том, что после жизни наступает смерть. И о том, что за прошлым следует будущее.

Никита Орлов

Искры в пустоте

*Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.*

*Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернёт?*

Александр Блок

* * *

*Мой демон страшен тем, что, душу искушая,
Уму он кажется святым.*

*Приветна речь его, и кроток взор лучистый,
Его хулы звучат печалью неземной;*

*Когда ж его прогнать хочу молитвой чистой,
Он вместе молится со мной.*

Николай Минский

Звонки. Разговоры. Совещания. Проекты...

Бесконечные события настолько утомили Дориана, что ему хотелось бросить всё и уехать. Уехать как можно скорее. Не важно, куда, как и на чём.

Дориан сидел в своём личном кабинете, располагавшемся в пент-хаусе элитного небоскрёба. Он возглавлял отдел

инвестиций крупнейшего в городе банка. Сейчас у Дориана появилась свободная минута, и он зашёл в кабинет, чтобы выпить чашку крепкого кофе.

Дориан смотрел на город, раскинувшийся внизу. Машины ползали по дорогам, как муравьи. Лавины людей наплывали жаркими, душными волнами то на одну улицу, то на другую. Из огромных фабричных труб, черневших на горизонте, валяли густые клубы дыма.

Уже который раз Дориан подумал: «Зачем уезжать, если можно выбрать более лёгкий путь?»

...Рабочий день подходил к концу. А полноценная часть жизни Дориана только начиналась.

Дориан пришёл в свой собственный дом неподалёку от центра города, переоделся, сел в роскошный лимузин и поехал в пригород.

...

Двери отворились, пропуская Дориана в полутёмное помещение, знакомое ему вот уже несколько месяцев. Справа от входа располагалась барная стойка, слева – несколько столов, а впереди – чёрная сцена, окутанная табачным дымом. Помещение было окурено тяжёлой смесью пряностей, табака и эфирных масел. Запах одурманивал разум, опьянял сознание, дарил сладостное ощущение полной безопасности.

Дориан сел за стол и попросил коньяка. Когда ему подали гранёный стакан, он сделал из него большой глоток и откинулся на спинку стула.

Дверь отворилась, и внутрь зашёл мужчина лет двадцати. Он гляделся по сторонам, не зная, куда идти. Дориан жестом пригласил его присоединиться к нему. Мужчина сел на краешек стула, напротив Дориана.

– Первый раз здесь? – Дориан окинул его цепким взглядом.

Мужчина кивнул.

– Скоро вы привыкнете, – уверил его Дориан. – А пока давайте посмотрим на представление.

Дикое, безудержное действо, разворачивавшееся в тот момент на сцене, шокировало молодого мужчину настолько, что он не мог вымолвить ни слова. А для Дориана это давно стало обыденным.

Когда всё закончилось, мужчина пристально посмотрел на Дориана.

– Вы находите это приемлемым? – тихо спросил он.

– У человека лишь одна жизнь, – сказал Дориан, глотнув ещё коньяку. – Так пусть она пылает. Пылает ярким пламенем.

– Это пагубно.

– Чем? – Дориан кинул на собеседника равнодушный, уже затуманенный взгляд.

– Воздействием на душу.

...Дориан снова был дома после бессонной, праздно проведённой ночи. По дороге домой он обокрал слепого старика. Во что превратилась его жизнь? В жалкое существование,

полное предательств, преступлений и разврата.

...

Дориан стоял перед большой картиной в позолоченной раме, прикрытой чёрной драпировкой. Он решительно откинул ткань. Впервые за пять лет.

Вопреки его ожиданиям, на портрете был изображён во все не уродливый старик. Портрет нисколько не изменился: правильные черты лица, карие глаза, гладкая кожа... Выходит, жизнь принимает его? Или всё это – иллюзия, и его взгляд настолько затуманен, что он не способен ясно видеть портрет?

Да. Нужно было выбирать путешествие.

* * *

*И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.
А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат*

...

*В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне.*

Ты право, пьяное чудовище,

Я знаю: истина в вине!

Александр Блок

Михаил ввалился внутрь, упал на деревянную скамью и громко потребовал:

– Две пинты!

В глубине небольшого помещения, в тёмном углу, сидели двое мужчин. Через стол от них храпел, уронив голову на стол, молодой краснолицый человек.

– Что это с ним? – шёпотом спросил один мужчину другого.

– Скоро отойдёт. Сейчас с ним лучше не разговаривать, – ответил второй.

Низкий человечек в потрёпанном фраке, явно не с плеча, подал Михаилу большую кружку. Михаил выпил пиво до дна, вытер рот и направился к мужчинам.

– Я сяду, – сказал Михаил и, не дожидаясь ответа, приземлился на скамью. – Как живётся?

– Да так... – один из мужчин отодвинулся от Михаила, пристально смотря за его действиями.

– А меня вот с работы уволили, – проговорил Михаил и вздохнул.

Он хотел сказать что-то ещё, но тут внутрь зашёл ещё один человек и сел за стол.

– Вася! – воскликнул Михаил и подсел к мужчине. –

Сколько лет, сколько зим!

Васе было явно неудобно сидеть рядом с напившимся Михаилом. Он попросил бокал белого сухого.

– Что это ты сегодня так рано? – Вася подозрительно прищурился.

– Да меня с работы уволили... – Михаил почесал затылок. Некоторое время Михаил говорил с Васей, а потом в помещение зашёл ещё один посетитель.

...

Спустя три часа внутри всё было совсем по-другому: десяток маленьких столов сдвинули вместе. За этим длинным столом собралось человек тридцать. Каждый держал в руках бутылку или кружку. Многие курили сигареты, положив ноги на стол. Некоторые храпели, подперев голову рукой, иные и вовсе лежали на полу.

Люди шумели, кричали, спорили... Содержатель заведения бегал от стойки к столу. На него то и дело сыпались ругательства, но он исполнял все поручения. Ведь и для него будет выгода...

...

– тут она и говорит: «Катился бы ты отсюда куда подальше!» Вот я и ушёл! – сказал Михаил, потрясая кружкой в подтверждение своих слов.

Зал взорвался недружным смехом, представлявшим собой жуткую смесь хохота гиены, воя шакала и хриплого лая собаки.

В это время из маленького чулана в зал вошёл содержатель заведения. В тот же миг рядом с ним о стену разбилась бутылка. Содержатель ойкнул и закрылся в чулане.

...

На улице давно наступила ночь; ночная стражница освещала обманным призрачным светом улицы города. А в трактире, в котором собрались все обездоленные, прокутившие и промотавшиеся, не было счёта времени. Люди пировали, опускаясь всё ниже и глубже.

На дно.

* * *

*...На берегу у самой воды стоишь,
Брызги, как поцелуи, ловя лицом.
Море глотать не хочет один гольши,
Ну, а тебе что за дело, в конце концов?
Нам ли в расклад этот тайный, пасьянс глухой
Лезть, исправляя порядок заветных дел?
Но, осторожно погладив гольши рукой,
Будто случайно сдвигаешь его к воде.
Может быть, план Вселенной сейчас задев
Или нарушив движенье незримых сил,
Ты на себя навлекаешь священный гнев –
Ради того, чтобы камень дышал и пил.*

Константин Рубинский

Его звали Игнат Трофимыч. С утра до вечера он сидел у деревянного ларька, грубо сколоченного из дубовых досок. К верхней доске была прибита табличка, на которой чернела крупная надпись: «Продаётся вдохновение».

Бывало, идёт человек по улице, и вдруг его окликают Игнат Трофимыч: «Не желаете ли вдохновения?» Серьёзно так говорит, а у самого в глазах пляшут весёлые искры. Человек подходил к нему, а Игнат Трофимыч доставал на прилавок несколько шкатулок.

«Вам какое?» – спрашивал он. – «Первый сорт, второй, третий? Для чего вам нужно вдохновение?»

«Я – композитор» – отвечал человек. – «Вот уже целый месяц ноты не желают лезть в голову. А я не могу так, мне нужно сочинять».

«Дело и вправду серьёзное», – понимающе кивал Игнат Трофимыч. – «Вам нужен первый сорт».

«Сколько?» – сухо вато спрашивал покупатель.

«С вас семь спичечных коробков».

Человек удивлённо смотрел на Игната Трофимыча, но тот, кажется, и не думал шутить. Тогда покупатель после пятиминутных поисков выкладывал на прилавок семь спичечных коробков и забирал лакированную шкатулку из светлого дерева, инкрустированную эбеном – первый сорт всё-таки!

Если же покупатель осведомлялся, почему платить нужно спичечными коробками, а не деньгами, Игнат Трофимыч

хитро подмигивал и отвечал: «Спичечные коробки принесут пользу людям. А от денег одни несчастья».

Нередко Игнат Трофимыч советовал купить вдохновение второго или третьего сорта. Но неизменно просил платить спичечными коробками – пять за второй сорт и три за третий.

Игната Трофимыча за его причуду так и прозвали – спичечный дедушка. Ребятишки, повстречав на улице Игната Трофимыча, весело кричали: «Спичечный дедушка! Спичечный дедушка!» Они любили его. Игнат Трофимыч часто собирал ребят вокруг своего ларька и рассказывал им сказки – про то, каким их город был раньше, и что с ним стало теперь.

Почти каждый второй житель города хоть раз покупал у Игната Трофимыча вдохновение. Но все держали содержание своих шкатулок в тайне.

«Нужно хранить секрет, – подмигивал Игнат Трофимыч своим покупателям, – иначе вдохновение потеряет силу».

Порою Игнат Трофимыч разговаривал сам с собой, тихо шептал что-то вроде «Не стоит поклоняться данности...»

День шёл за днём, год шёл за годом, а спичечный дедушка всё так же сидел у своего ларька. Если было холодно, он закутывался в пальто и пил крепкий горячий чай из металлической кружки. Если шёл дождь, он раскрывал над ларьком большой зонт, на котором тут и там виднелись заплаты. Игнат Трофимыч вёл довольно бедный образ жизни: жил в

однокомнатной квартире пятиэтажного дома, автомобиля не имел. Семьи у него тоже не было: его жена скончалась от рака лёгких, а единственная дочь погибла в автокатастрофе.

Люди постоянно задавались вопросом: «Почему спичечный дедушка так любит спичечные коробки?» Однако они редко заговаривали с ним об этом. Быть может, знали, что он не скажет им ничего нового. Или чувствовали, что за этим кроется какая-то тайна Игната Трофимыча.

* * *

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.*
Фёдор Тютчев

Дмитрий Теодорович шёл по улице, вдыхая тяжёлую смесь запахов пыли, смога и осеннего, только что пролившегося дождя. Навстречу ему двигались люди. Он смотрел на бесконечные лица, проплывающие мимо него, но не мог различить их черты. Со всех сторон его окружали безликие маски.

Мужчина проходил мимо продуктовых магазинов, аптек,

бесчисленных лавок, пивных, закусовых... На каждом шагу светились неоновые вывески, возвышались рекламные щиты...

Дмитрий Теодорович твёрдо шёл к своей цели, стараясь не обращать внимания на сгустки информации, беспорядочно сконцентрированные вокруг него. Внезапно внимание мужчины привлёк глухой кашель. Он посмотрел в сторону. Около дома, прислонившись спиной к бетонной стене, сидел старик в изорванной одежде.

Старик поднял голову на Дмитрия Теодоровича и вдруг залился больным хохотом, спустя несколько секунд перешедшим в приступ безудержного кашля.

Дмитрий Теодорович вздрогнул и пошёл дальше. Ему казалось, что из каждого угла на него злобно смотрели чьи-то глаза, словно сам город был настроен против него.

«Silentium...Silentium!» – вдруг послышалось ему. Он быстро обернулся, но рядом никого не было.

Дмитрий Теодорович постоял некоторое время, борясь с раздиравшими его чувствами, а потом резко потрянул головой и решительно направился к спичечному дедушке.

* * *

*Когда теряет равновесие
твоё сознание усталое,
когда ступеньки этой лестницы*

*уходят из-под ног,
как палуба,
когда плюёт на человечество
твоё ночное одиночество, –
ты можешь
размышлять о вечности
и сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия
произведения искусства,
и – кстати – самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.*

Иосиф Бродский

Алиса сидела на деревянной скамье и покачивала детскую кроватку, в которой спал младенец. Из маленького окошка лился свет, образуя на полу солнечную полосу. Это была маленькая каморка под самой крышей пятиэтажного дома.

Алиса ждала папу. Сегодня он собирался купить у спичечного дедушки вдохновение.

Дмитрий Теодорович, отец Алисы, писал статьи в городской журнал. В последнее время люди всё меньше читали его, и у семьи Дмитрия, состоявшей из него самого и двух его дочерей – Алисы и Виктории – стало не хватать денег. «Город стал другой. Небо не ярко-голубое, как раньше, а пепельно-серое, затянутое дымом. Да и люди тоже другие...» – думал Дмитрий Теодорович, когда редакторы в зарубежных

рубашках отказывались печатать его очередную статью.

Дмитрий Теодорович решил постепенно переходить к профессии музыканта. Ещё с детства он умел мастерски играть на скрипке. Теперь он хотел выступать на концертах. Проблема была в том, что ценителей классической музыки осталось очень мало. Люди желали нечто новое, грандиозное, выходящее за рамки привычного. Футуристичное.

Дмитрий Теодорович сел за работу: составлял планы, звонил в театры, в общем, готовился к новой работе. Но на двадцатый день пришёл в тупик и решил пойти к спичечному дедушке, купить у него вдохновение.

...

Дверь отворилась, и внутрь зашёл Дмитрий Теодорович.

– Купил? – шёпотом спросила Алиса, подбежав к нему. Её большие фиалковые глаза горели любопытством и нетерпением.

– Купил, – ответил Дмитрий Теодорович и поставил на стол маленькую красную шкатулку, обвязанную серебряной ленточкой. – Вдохновение. Второй сорт!

– Ты отдал спичечному дедушке пять спичечных коробков? – спросила Алиса.

– Пять, – подтвердил Дмитрий Теодорович.

– Теперь покажи, покажи! – Алиса чуть не прыгала от нетерпения.

– Понимаешь... – Дмитрий Теодорович старался подобрать такие слова, которые не обидели бы Алису. – Спичеч-

ный дедушка сказал, что вдохновение можно смотреть только одному человеку, иначе ничего не выйдет.

– Но... – уголки губ Алисы опустились, и она моргнула. – Я хотела посмотреть на вдохновение...

– Но тогда оно перестанет быть вдохновением!

Казалось, Алиса вот-вот заплачет.

– Куплю себе вдохновение через недельку, когда у нас будут лишние спичечные коробки, – вздохнул Дмитрий Теодорович и протянул Алисе шкатулку.

Алиса сразу повеселела.

– Ты не расстраивайся, и у тебя скоро будет вдохновение! – улыбнулась она.

Дмитрий Теодорович со вздохом подошёл к маленькому окошку в крыше и посмотрел на улицу. По пыльной от автомобильных газов дороге бежал щенок. За ним с воинственными криками неслась орава ребят, держащих острые палки и камни.

Мужчина перевёл взгляд на другую улицу. Несколько молодых людей лет двадцати с бутылками в руках шли, шатаясь, по направлению к местному кинотеатру. Ничего, кроме американских драм и боевиков, там не показывали.

Алиса взяла в руки шкатулку, присела на скамью и развязала бантик серебряной ленточки. На крышке были выгравированы буквы: X. B.

Девочка не придавала этому особенного значения. Она открыла крышку, и из шкатулки вырвался столп белого света.

Алиса мельком взглянула на папу. Дмитрий Теодорович ничего не замечал, он всё так же сидел за столом с закрытыми глазами.

Она осторожно прикоснулась пальчиками к странному свечению и...оказалась в совершенно другом месте.

* * *

Ибо мы как срубленные деревья зимой. Кажется, что они просто скатились на снег, слегка толкнуть – и можно сдвинуть их с места. Нет, сдвинуть их нельзя – они крепко примёрзли к земле. Но, поди ж ты, и это только кажется.

Франц Кафка

При немалом участии Дмитрия Теодоровича, после его многочисленных прошений в администрацию, в городе построили театр. Оказалось, что люди не прочь отвлечься от города, или, может, спрятаться от него – билеты на первый спектакль раскупили за два дня.

Дмитрий Теодорович устроился на работу в театр. Он прошёл путь от музыканта в оркестре до главного режиссёра-постановщика.

Сидя в кресле-качалке у камина, он вспоминал своё прошлое. Он пытался изменить город. Изменить людей. Надолго ли это?..

Дмитрий Теодорович взял с каминной полки ручку и лист бумаги и начал писать.

«Алиса, моя дорогая девочка! Не забывай меня. Помни: люди сейчас другие...»

Дописать он не успел. Сердце его подвело.

* * *

Вы знаете, в чём проблема этого мира?

Все хотят как по волшебству решить свои проблемы, но при этом отказываются верить в магию.

Льюис Кэрролл

Ей снилось детство. Вот она развязывает серебряный бантик, открывает крышку...

И оказывается в полутёмной комнате. Пахнет книгами и деревом. На кровати у дальней стены лежит старик.

– Спичечный дедушка?! – она подходит к старику.

– Алиса... – слабо шепчет он. – Знаешь, зачем я продавал вдохновению всю свою жизнь?

Она мотает головой.

– Люди должны измениться, – говорит старик. – А для изменения всегда нужна хоть капля вдохновения. Сейчас ты здесь, потому что открыла шкатулку с надписью «Х. В.» – продолжает он. – Хранитель вдохновения. Точнее, храни-

тельница, – старик слабо улыбается. – Тебе хочется изменить людей? Изменить город? Мир?

Она кивает.

– Дарить людям вдохновение несложно. Нужно сделать деревянную шкатулку, украсить её, а потом заполнить.

– Чем заполнить? – её глаза загораются от любопытства.

– Обычными вещами. Если делаешь вдохновение для художника – тюбиками с краской, кисточками. Для музыканта подойдут вырезанные из дерева ноты, музыкальные инструменты. Это магия вещей. Сейчас я тебе покажу.

Старик берёт с тумбочки шкатулку, кладёт в неё разноцветные лоскутки ткани и закрывает крышку.

– А теперь, – шепчет он, – у тебя на глазах свершится чудо. Открой шкатулку.

Она приподнимает крышку, и из шкатулки вырывается столп света. Пальцы тянутся к нему...и вот она оказывается на огромном поле. Впереди, справа, слева растут огненно-красные, лазурно-синие, изумрудно-зелёные и солнечно-жёлтые цветы. Предзакатное небо ярко-алое. Озеро неподалёку лазорево-изумрудное.

– Вот так работает магия вещей, – говорит ей старик, когда она возвращается из фантазийной реальности вдохновения.

...

– Алиса Дмитриевна! Алиса Дмитриевна!

Она открыла глаза. Кажется, заснула. Прямо здесь, на ули-

це.

Над ней стоял мужчина.

– Вы ко мне?

– Да, – улыбнулся он. – Хочу купить вдохновение первого сорта. Я художник.

Алиса Дмитриевна достала из-под прилавка красивую бордовую шкатулку с золотистой гравировкой и протянула её мужчине. Тот положил на прилавок семь спичечных коробков.

...

Её снова одолел сон. На этот раз ей снилась странная тёмная пещера. Или коридор... Будто она идёт по нему, держа в руке...спичку.

* * *

Где-то рядышком, из рая,

Но совсем не свысока,

Пела нежная валторна,

К этой ночи собирая

Всё разрозненное в мире,

Всё разбросанное ветром

За последние века.

Юнна Мориц

Алиса Дмитриевна лежала на кровати в квартире, в кото-

рой жил когда-то Игнат Трофимыч. Сердце её стало слабым. Врачи сказали, что завтра она уйдёт.

Значит, завтра...

Алиса Дмитриевна улыбалась.

...А в это время где-то на другом конце города мальчик открывал крышку шкатулки, на которой были выгравированы две крупные буквы: Х.В.

* * *

*С каждой сожжённой спичкой
я вспоминала всё больше.*

Людмила Петрушевская

Алиса Дмитриевна умерла на следующий день. Она успела сделать всё то, что должна была.

...Она летела сквозь время и пространство. Мимо неё проплывали разноцветные круги, расплывчатые тени, неясные силуэты.

Наконец полёт прекратился.

Алиса Дмитриевна стояла в длинном коридоре. Сзади, слева и справа чернели глухие стены. Темно было, хоть глаз выколи. Она начала на ощупь пробираться вперёд.

Внезапно откуда-то справа донёсся шорох.

– Кто здесь? – вздрогнула Алиса Дмитриевна.

Из темноты вышел Игнат Трофимыч. В руках он держал спичку.

– Вы?!

– Пойдём со мной, – сказал старик.

Алиса Дмитриевна пошла за ним, стараясь не упускать из виду пламя спички.

Неожиданно огонёк погас, и Игнат Трофимыч чиркнул о коробок ещё одной спичкой.

Спустя несколько минут они пришли в большую комнату. Игнат Трофимыч подошёл к дальней стене и показал на неё.

...Спички. Стена будто состояла из спичечных коробков. Сотни, тысячи, миллионы...

– Вот для чего я собирал спички! – прошептал Игнат Трофимыч, глядя в глаза Алисе Дмитриевне. – Вот для чего это делала ты! Спички нужны, чтобы осветить путь душе человека в лабиринте грехов. Сейчас люди...не такие, как раньше. Они забывают об истинном смысле... Если они не изменятся... Оглянись! Всё, что вокруг нас – человеческие грехи.

Игнат Трофимыч поднёс спичку к другой стене. Алиса Дмитриевна пригляделась. Серый камень был сплошь покрыт паутиной и плесенью.

– В лабиринте грехов легко заблудиться, – проговорил Игнат Трофимыч. Его фигура начала таять. – Искуситель опасен...

Словно в подтверждение его слов, из паутины показалась чёрная, вся в струпьях, ладонь, которая потянулась к Алисе

Дмитриевне. На этой ладони лежало яблоко. Настолько яркое, что освещало пространство вокруг лучше любой спички.

Алиса Дмитриевна протянула руку к яблоку, но вовремя отдернула её: теперь на чёрной ладони сидел паук.

– Не стоит вкушать сладость запретного плода, – тихо проговорил Игнат Трофимыч. – А теперь бери спичечный коробок и ступай...

*

*

*

* * *

Века в своей развёрнутой поэме

Из тьмы выходят к свету, к вечной теме.

Всеволод Рождественский

На фоне ярко-голубого, цвета морской волны, неба, возвышается шпиль театра. С соседней улицы доносится волнительное дыхание скрипки. Дети играют с щенком в мяч. Взрослых на улицах почти нет – в театре ставят «Короля Лира».

Терпи века кровавые, пока

Последний дьякон не устал псалмы плести.

*Тебе для гнева хватит пустяка,
А ужас Ты любой сумеешь вынести.*

Константин Рубинский